

«Но тогда все захотят иметь соболью шубу, и каждая женщина потребует бархатного платья!» - воскликнут, конечно, наши противники.

Искренно говоря, мы этого не думаем. Не всякий любит бархат и не всякий мечтает о собольей шубе.

Даже если бы мы теперь предложили каждой из парижанок выбрать себе платье, то, наверное, нашлось бы много таких, которые предпочли бы простую одежду всем необыкновенным украшениям модных барынь.

Притом же вкусы меняются соответственно данной минуте, и несомненно, что в момент революций господствовать будут вкусы простые. Общество, как и отдельная личность, переживает времена полного упадка нравов, но у него бывают также и минуты героизма. Как бы низко оно ни падало в такие времена, когда оно погрязает, как теперь, в преследовании мелких и ограниченных личных интересов, - в великие эпохи оно меняет свою физиономию. У него бывают минуты благородства, минуты увлечения. Искренние люди приобретают тогда влияние, которое теперь принадлежит плутам и ловким дельцам. Совершаются акты самоотвержения; великие примеры находят себе подражателей; даже эгоистам бывает совестно оставаться позади других, и они волею-неволею присоединяются к общему хору людей великодушных и смелых.

Великая революция 1793 года изобилует примерами этого рода. В такие-то именно кризисы нравственного возрождения - настолько же естественные для общества, как и для отдельных личностей - и обнаруживаются те высокие порывы, которые двигают человечество вперед на пути прогресса.

Мы вовсе не хотим преувеличивать вероятную роль прекрасных чувств, и не на них мы основываем наш общественный идеал. Но нисколько не будет преувеличением, если сказать, что подъем этих чувств поможет нам пережить первые, наиболее трудные моменты. Мы не можем рассчитывать на продолжительность таких порывов самоотвержения, а ежедневной жизни, но мы можем ожидать их в начале, а это - все, что нужно. Именно в ту минуту, когда придется расчищать почву от навоза, накопленного веками рабства и угнетения, именно тогда анархическому обществу понадобится этот подъем братских чувств. Впоследствии оно сможет существовать, не обращаясь ни к чьему самопожертвованию, потому что оно уже успеет уничтожить угнетение и создать новое общество, дающее простор всем чувствам солидарности и приспособленное на удовлетворение потребностей всех.

Кроме того, если революция примет именно, то направление, о котором мы говорим, свободный личный почин поможет нам избежать всяких помех со стороны эгоистов. На каждой улице, в каждом квартале смогут организоваться группы, которые возьмут на себя заботу об одежде. Они составят инвентарь всего имеющегося в восставшем городе и будут приблизительно знать, какими запасами он в этом отношении располагает. И очень вероятно, что граждане примут относительно одежды то же, правило, как и относительно пищевых продуктов, - «право свободно брать все, что находится в изобилии, и распределение того, что имеется лишь в ограниченном количестве».

Не имея возможности доставить каждому гражданину соболью шубу и каждой гражданке бархатное платье, общество установит, вероятно, различие между излишним и необходимым и зачислит - по крайней мере временно - бархатные платья и собольих мех в число предметов излишних, откладывая на будущее вопрос о том, нельзя ли сделать предметом всеобщего потребления то, что теперь составляет предмет рос-